

Маттиас Дембински

Политическая культура и идентичность как связующие нити и проблема трансатлантических отношений¹

Введение

Понятия идентичности и политической культуры, несмотря на большой интерес, проявленный к ним в ходе социологических изменений исследования международных отношений и исследования внешней политики, в качестве аналитической концепции сохранили свою многозначность и продолжают быть предметом спора (Chafetz/Spirtas/Frankel 1999). Реалисты и другие представители теорий «зеркального отображения» придают политической культуре и идентичности статус эпифеномена. Реалисты аргументируют это тем, что восприятие собственной роли и форма доминирующих внешнеполитических идеалов соотносится с окружением какого-либо государства и ресурсами, которыми оно располагает. Так, например, Роберт Каган (2003) связывает очевидные различия в поведении США и европейских демократий с их властными позициями и оснащенностью ресурсами. Первые усматривают

¹ Статья была подготовлена в связи с польско-немецкой конференцией «Совместные идеи и критерии безопасности в трансатлантических отношениях» (24–26 сентября 2004), организованной Польским институтом международных дел (PISM) и Германским обществом внешней политики (DGAP), и будет опубликована на польском и немецком языках в совместном сборнике обеих организаций.

для себя наличие серьезнейших угроз, подчеркивают важность военных средств и с недоверием относятся к возможности перевести в правовую плоскость и связать определенными правилами решения столь серьезных международных проблем, как распространение оружия массового поражения или терроризм, вторые считают, что с вызовами можно справиться прежде всего в рамках международных соглашений. Первые, располагая военными средствами, применимыми по всему миру, были бы в состоянии встретить опасности, уготованные им этим миром, вторые, не имея таких средств, склонны игнорировать грозящие опасности или переосмысливать их как политические вызовы.

Общественно-политические подходы, которые, в соответствии с предложенным Фердинандом Тённисом онтологическим различием между сообществом и обществом, следует рассматривать как относящиеся к обществу, отодвигают концепции идентичности и культуры на задний план в пользу понятия интереса. Это касается плюралистических теорий, приверженцы которых настаивают на том, что поведение индивидов и социальных групп формируется их интересами, равно как и сторонников неофункционалистских теорий, исходящих из того, что лояльность элит направлена на те политические субъекты, которые с наибольшей вероятностью способствуют решению их проблем и реализации их интересов.

Приверженцы критических теорий заявили бы в качестве аргумента, что политические культуры и идентичности отражают господствующие отношения и в то же время закрепляют их. Таким образом, задача исследования, руководствующегося ценностями освободительного характера, заключается в деконструкции преобладающих политических культур.

В противовес этим возражениям я указал бы на то, что политические культуры и идентичность могут оказывать независимое воздействие на поведение социальных коллективов и, следовательно, имеют оправдание в качестве предмета исследования и аналитической концепции в контексте как международных отношений, так и исследования внешней политики.

Политическая культура и коллективная идентичность становятся предметом исследования, если интерес направляется на постижение конкретных видов коллективного восприятия и истолкований, характерных для членов определенного сообщества. Политическая культура и идентичность превращаются в концепцию, если речь идет о том, чтобы, в свою очередь, понять эти коллективные восприятия в качестве реальных факторов коллективного политического действия, чтобы, в свою очередь, быть в состоянии объяснить, почему общества, несмотря на сравнимую «оснащенность» систем, совершенно по-разному реагируют на сходные проблемы.

В качестве научного термина понятие «политическая культура» было введено американскими политологами Габриелом Алмондом и Сидни Верба в 50-е гг. В своем ставшем классическим труде «Гражданская культура» (1963) оба ученых попытались с помощью количественных методов показать в сравнении политические позиции и ориентации применительно к пяти странам. Эти позиции, «уплотненные» до превращения в концепцию политической культуры, выполняют в концепции Алмонда и Вербы посредническую функцию между политической системой и действиями субъектов и имеют решающее значение для стабильности демократических систем. Со временем понятие политической культуры приобрело более широкое толкование, обозначая основополагающие стереотипы мышления и восприятия, приобретенные в процессе социализации, а также связанные с этим нормативные диспозиции социальной группы, регулирующие ее действия (Dörner 2003, 597).

Понятие коллективной идентичности обнаруживает значительное сходство с понятием политической культуры. Оно характеризует представленное равенство или однородность человека с другими людьми. Таким образом, понятие означает связь между людьми, способными скреплять определенный социальный строй и придавать ему смысл. Тем самым оно оказывается в традиции анализа культур, ставящего в центр внимания вопрос о нормативной интеграции обществ. Фор-

мирование коллективной идентичности характеризует процессы культурной интеграции, т. е. формирование общих представлений о вере, норм, ценностей и способов действия, причем процесс формирования сообщества проявляется одновременно с процессом отграничения вовне (Wagner 1998).

Мою приверженность ценности политической культуры и коллективной идентичности как предмету и концепции международных отношений и исследования внешней политики следует, однако, ограничить в тройном отношении. Не вдаваясь в подробности, необходимо, во-первых, указать на то, что отношение между интересом и идентичностью в высшей степени сложно с точки зрения теории науки и стратегии исследования. Во-вторых, надо указать, что носителями коллективной идентичности являются индивиды. Отсюда следует, что внутри политического сообщества могут существовать воспринимаемые вариации идентичности и политической культуры, что различия внутри сообщества могут быть больше, чем различия между ними и что ориентация или форма политической культуры может варьироваться по мере изменения соотношения внутривнутриполитических сил.

В-третьих, указание на значение идентичности и политической культуры как для международных отношений, так и для исследования внешней политики дает понять, что существует еще одна трудность. Дело в том, что с этими понятиями на обоих уровнях анализа связаны различные концепции, покоящиеся на очень противоречивых предположениях. С точки зрения международных отношений, понятие коллективной идентичности связано с представлениями о надгосударственном «уплотнении» коммуникации, на основе которого формы идентичности участников коммуникационного процесса, прежде имевшие национальный характер, накладываются друг на друга, изменяются и приводят к появлению более крупной коллективной идентичности. Напротив, исследование внешней политики связывает с понятием политической культуры или национальной идентичности исторически глубоко укоренившиеся, относительно стабильные и поддаю-

щиеся лишь медленному изменению стереотипы восприятия и интерпретации, которые определяют шаблоны подобного поведения.

Таким образом, если с точки зрения международных отношений национальная идентичность предстает чем-то мягким, относительно быстро поддающимся изменению и подчеркивается возможность взаимного приспособления национальных стереотипов восприятия и интерпретации, определения интересов и идентичности и тем самым формирование надгосударственной коллективной идентичности, то с позиций исследования внешней политики формы идентичности и политическая культура представляются структурами прочными и мало поддающимися изменению. Соответственно более трудным оказывается с этой точки зрения формирование надгосударственной коллективной идентичности.

Обе концепции «оплодотворились» и «оплодотворяются» в качестве аналитических инструментов с целью лучшего понимания трансатлантических отношений. В то же время как с точки зрения международных отношений концепции формирования коллективной идентичности воспринимаются в виде ресурса, а надежды на увековечение трансатлантического сотрудничества с НАТО в центре опираются именно на общую идентичность и ценности, с позиций исследования внешней политики политические культуры и идентичность следует понимать именно как проблему трансатлантического сотрудничества.

Взгляд с позиции международных отношений: трансатлантический регион как сообщество безопасности

Хотя неофункционализм и является наиболее употребительной теорией для объяснения процессов коммуникативного «уплотнения», он, как уже было показано выше, не имеет отношения к вопросам формирования транснациональной коллективной идентичности. Большее значение имеет концепция сообщества безопасности, разработанная впервые Карлом В. Дойчем и др. в 50-е гг. в особенности с учетом

трансатлантического сообщества (Deutsch 1995) и вновь подхваченная в 90-е гг. в контексте социологического поворота в исследовании международных отношений. Ее развили и систематизировали в особенности Эмануэль Адлер и Майкл Барнетт (1998). Уже Дойч описывал формирование «чувства Мы» как важнейший признак плюралистического сообщества безопасности. Это сообщество характеризуется тем, что применение военной силы в качестве средства разрешения конфликтов среди его членов исключается на длительную перспективу. Хотя совместные институты оказывали поддержку при формировании такого рода сообществ, решающее значение имеют изменения идеального характера – осознание индивидом того факта, что другой является частью сообщества, к которому принадлежит и он сам.

Представление об особом качестве союза со всей ясностью проявилось уже в первом заявлении НАТО, содержащем его характеристику. Институт и входившие в него государства нарисовали картину ценностного сообщества, которое опирается на общие основные политические убеждения его членов и проникнуто солидарностью между ними, идущей гораздо дальше совместной заинтересованности в отпоре общей угрозе. Размышления ученых о НАТО означали не только критический анализ этой позиции, но характеризовались и утвердительным отношением к нему. Мэри Хэмптон применила к НАТО конструктивистскую гипотезу, в соответствии с которой кооперативная практика взаимодействия влияет на восприятия и идентичность субъектов, и сделала отсюда вывод о его стабильности по окончании конфликта между Востоком и Западом. Опыт, разделяемый членами НАТО, содействовал тому, что они воспринимают ценность союза как данность и не формируют инструментального отношения к нему. Вопрос о цели НАТО стал столь же маловажным, сколь и вопрос о цели Италии или первенства мира по футболу (Hampton 1999).

Томас Риссе в особенности склонен интерпретировать НАТО как сообщество ради безопасности. Его эффективность и стабильность не объясняются ни объединяющей силой

советской угрозы, ни способностью США к управлению. Напротив, оно характеризуется необычайно высоким влиянием малых членов союза на господствующую и ведущую державу. Особенность этого сообщества заключается в том, что его члены взаимно открывали свои процессы принятия решений для воздействия интересов и представлений своих партнеров. Ведущая держава также ставит свои решения в зависимость от требований младших партнеров даже в тех случаях, когда они мало что вносят и США могли бы действовать в одиночку.

«От союза государств западного мира ждут перемен в американских оценках того, что может и должно быть сделано; он может изменить отношение к толкованию того, кто такие „мы“, от имени которых позволительно действовать Соединенным Штатам, а у кого первоначально надо получить согласие на это. Тогда участие Европы будет считаться легитимным даже в сферах, выходящих „за пределы“ высших американских интересов» (Risse-Kappen 1995, 34).

С указанием на существование объединяющего «чувства Мы», которое оказалось выше национальных особенностей и противоречий, было создано решающее теоретическое обоснование ожидания того, что союз переживет окончание конфликта между Востоком и Западом, сможет успешно приспособиться и дать общие ответы на такие вызовы, в реагировании на которые члены НАТО обнаруживают гораздо большие различия, нежели это имело место в 1949-1990 гг.

После осложнения американско-европейских отношений во время войны в Персидском заливе, а главное, после драматического кризиса в отношениях между США и «старой Европой» накануне войны в Ираке это предположение, очевидно, нуждается в проверке (Dembinski 2003). Во время дискуссии в Германии и США накануне войны в Ираке на удивление мало говорилось о ценностном сообществе, опросы показывали явное снижение взаимной симпатии и именно элиты сформировали явно различные стереотипы восприятия внешнеполитических ситуаций и предпочтения тех или иных внешнеполитических стратегий. Поведение членов союза диаметрально

противоречило прежде всего ожиданиям, которые вытекали из концепции сообщества безопасности. Предварительных консультаций не было, США приняли решение в одностороннем порядке, и они сделали это, хотя важные партнеры по союзу настоятельно предостерегали от распространения войны против терроризма на Ирак. Напротив, как США, так и государства «старой Европы» отклоняли попытки влияния с чьей бы то ни было стороны. Неоконсервативное и националистическое крылья республиканской партии США настаивают с середины 90-х гг. на строгой интерпретации принципа национального суверенитета. В Германии же федеральный канцлер Шрёдер хотя и подчеркивал многостороннюю ориентацию немецкой политики, но указал на то, что решение об участии страны в войне принимается в Берлине – и только там.

Очевидные недостатки объяснения с помощью социологических подходов с позиций международных отношений выдвигают в центр внимания подходы с позиции исследования внешней политики. Дело, однако, в том, что с этой позиции политическая культура и национальная идентичность оказываются скорее проблемой, нежели ресурсом трансатлантического сотрудничества.

Взгляд с позиций исследования внешней политики: американская и европейская политические культуры как проблема трансатлантического сотрудничества

Если коротко рассмотреть вопрос о том, как американцы и европейцы воспринимали друг друга на протяжении прошедшего столетия, то быстро выяснится, что представление о принадлежности к ценностному сообществу ограничивалось периодом «холодной войны». В предшествующий период и, как уже было показано выше, вероятно, в будущем взаимное восприятие характеризовалось и будет характеризоваться скорее различиями, чем общностью.

Еще в так называемой литературе о путешествиях, сообщениях Алексиса де Токвиля и других европейских путешественников-открывателей, пытавшихся постичь сущность

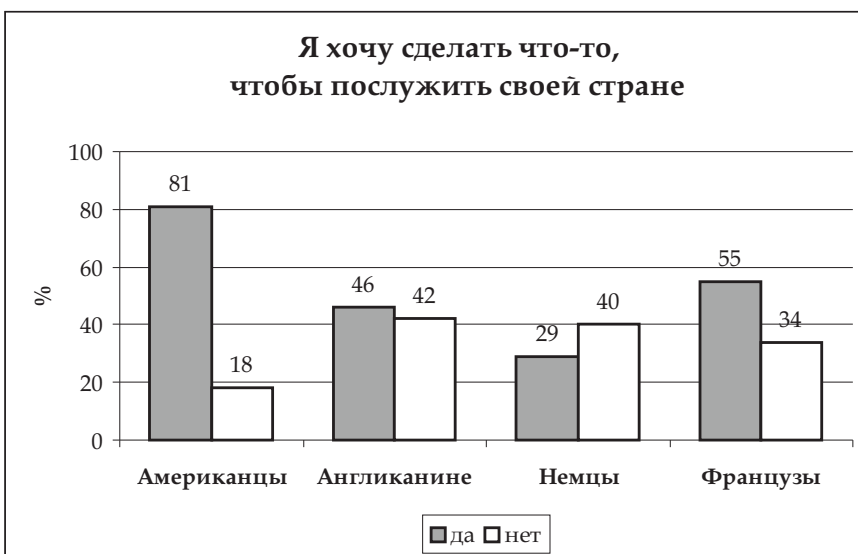
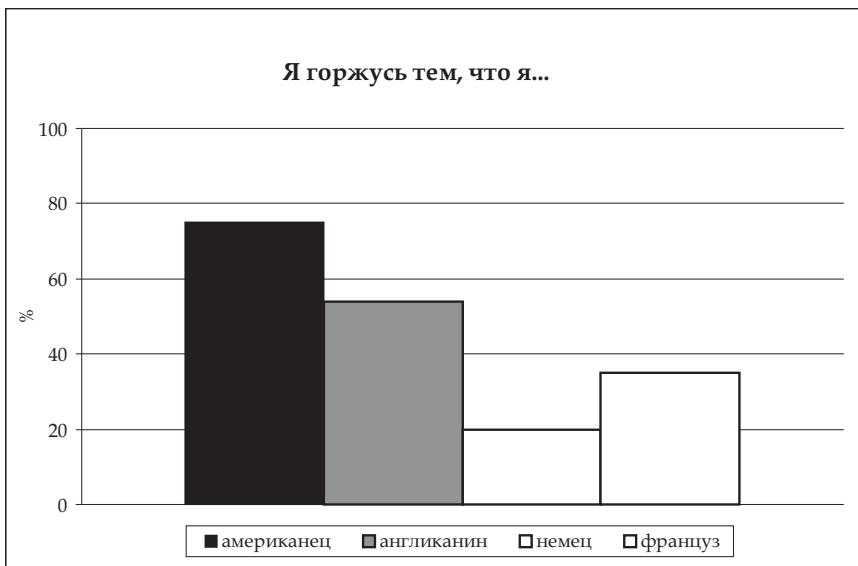
нового государства, диагностировались существенные различия между Европой и ее «ответвлением» в Новом Свете. С тех пор не ослабевало ни удивление взаимной несхожестью, ни попытки понять ее. Интерес Токвиля к США был продиктован вопросом о том, почему там демократия как государственная форма функционирует, а в собственной стране остается нестабильной и все время терпит поражение. Его ответ: стабильность американской демократии гарантируют нравы, т. е. «совокупность идей, из которых образуются духовные привычки», а также «привычки сердца», короче говоря, политическая культура и коллективная идентичность общества. Именно они и гарантируют стабильность американской демократии. Позже наблюдатели обращали внимание и на другие аспекты несходства друг с другом. Приведем только два примера: по эту сторону Атлантики в начале XX века ведущие социалисты, начиная с Фридриха Энгельса и до Вернера Зомбарта, задавались вопросом о том, почему в США нет социалистической партии. По ту сторону Атлантики в 80-е гг. (1987 г.) Андрей Марковиц озадачил всех вопросом «Почему в Соединенных Штатах нет соккера?» («Соккером» в США называют футбол, в который играет весь остальной мир, «футболом» – национальный вид спорта. – Прим. перев.). При этом наблюдатели были едины в оценке причины различий, усматривая и их в политической культуре.

С помощью инструмента опросов общественного мнения быстро выявляются аспекты этих различий в политической культуре. Сравнительные исследования общественного мнения показывают явственно более патриотичные ориентации американцев, нежели европейцев.

Сравнительные исследования значения религии, соотношения между равенством и свободой или роли государства подтверждают диагноз наличия структурных различий между американской политической культурой и политической культурой большинства европейских государств (Lambsdorff 2003).

Тезис об «американской исключительности» прочно укоренился также в научном анализе США. Его можно встретить как

у американского социолога Сеймура Липсета, представившего в 1996 г. образцовое произведение на эту тему – книгу *American Exceptionalism – A double edged sword* («Американская исключительность – обоюдоострый меч»), так и среди немецких американистов, и все эти авторы связывают необычность США с их политической культурой.

Липсет идентифицирует специфическую американскую идеологию или политическую религию, «американское credo», характеризующееся элементами свободы, особым представлением о равенстве и индивидуализме и, наконец, критической позицией по отношению к государству. Немецкий американист Гебхард Швайглер описывает особую форму национализма, американизм, в качестве центрального элемента американского самопонимания. В соответствии с американизмом быть американцем означает не более и не менее как «верить в уникальность, даже в исключительность США как первой и лучшей державы среди других держав мира и наступательно отстаивать миссионерское предназначение „страны Божьей“» (Schweigler 1994, 23).

Ниже я хочу обрисовать причины возникновения американской политической культуры и ее смысловое содержание и сделать из нее выводы для внешней политики.

Политическая культура США и ее внешнеполитические последствия

Американская политическая культура сформировалась на ранней фазе заселения нового континента и становления США как государства. В Германии Кнуд Кракау (1967) одним из первых показал в своей работе о сознании, миссии и доктрине международного права, как до сих пор в американской внешнеполитической дискуссии развивались находящие подтверждение картины мира и руководства к действию, сформированные из синтеза пуританских представлений об избранности и демократического морализма.

Успех отважного, прямо-таки неслыханного предприятия, создания в диких местах растущего сообщества, члены которого свободно могли верить в Бога в соответствии со своими представлениями, подкрепило пуританских поселенцев в уверенности, что Всевышний заключил с народом особый завет (конвенант). Успех, по словам Юнкера (2003, 18), породил представление об Америке как «новом и последнем Израиле Господнем».

Пуританское кредо, представление о непосредственном присутствии Бога и тем самым о собственной индивидуальной ответственности и о заключенном по повелению Божию союзе равных и свободных, покоящемся на моральных принципах, соединилось с естественно-правовыми представлениями о свободе и равенстве, а также с концепцией политического учредительного акта, совершенного на добровольной основе. Так как секуляризованное сообщество поистине образцово воплощает всеобщие моральные принципы, например, уважение к неотчуждаемым правам человека, то и на США лежит особая ответственность за мир, явно выраженная в уже часто цитировавшемся напоминании Джона Уинтропа, прозвучавшем в 1630 г.: «Ибо должны мы иметь в виду, что будем подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас»².

Следствием были морализирующий основной тон и идея миссии, до сих пор пронизывающие американское внешнеполитическое мышление. Идея миссии всегда допускала два истолкования. Одно означало отстраненность от мира, погрязшего в пороках, причем все же делалась ставка на возможность миссионерской деятельности посредством примера. Предостережение Джона Квинси Адамса от внешнеполитических осложнений четко формулирует сущность этой традиции:

«Повсюду, где уже развиваются или должны быть подняты знамена свободы и независимости, должны оставаться любовь и благословение Америки и ее молитвы. Но она распространяет свое влияние за пределы своих границ не ради поиска каких-то монстров, подлежащих уничтожению. Америка искренне приветствует всеобщую свободу и независимость. Она одновременно и поборник, и защитник собственных идеалов... Америка хорошо знает, что, выступив однажды под чьими-то другими знаменами вместо своих собственных (даже

² J. Winthrop, *A Model of Christian Charity*, цит. по: Krackau (1967, 34). Уинтроп вовсе не делал отсюда активистский вывод. Напротив, американские колонии должны были, по его мнению, совершенствовать собственное политическое сообщество, чтобы иметь возможность служить ярким примером.

если это знамена чужой независимости), она безнадежно ввяжется во всяческие войны интересов и интриги, в борьбу частных алчных устремлений, завистливых помыслов и амбиций, нацеленных на отстаивание определенных убеждений и узурпацию идеалов свободы. В таких условиях основополагающие принципы ее политики должны будут постепенно сместиться от свободы к принуждению»³.

Другая интерпретация заключается в представлении об активной миссии и формировании мира по собственному образцу. Уже Джефферсон свел ее в известную формулу, в соответствии с которой США являются «единственным хранителем священного огня свободы (...) отсюда он должен сиять всему остальному миру». В основе и той, и другой ориентации, по словам Генри Киссинджера (1994, 13), лежит общая убежденность в том, что Соединенные Штаты обладают лучшей системой правления и остальной мир может жить в условиях мира и благосостояния только в том случае, если он будет следовать свойственному Америке глубокому уважению к международному праву и демократии.

Идея миссии в двух ее интерпретациях объясняет морализирующий основной тон американской внешней политики. Например, она разъясняет, с одной стороны, почему США, как никакое другое государство, способствовали основанию многосторонних международных организаций и почему те же США, с другой стороны, на протяжении своей истории занимали по отношению к ним амбивалентную, временами враждебную позицию. Наряду с демократизацией и выступлением за права человека самое позднее со времен Вильсона подсудность третейскому суду, коллективная безопасность и международная организация входили в число инструментов, наиболее соответствующих моральным принципам, на которых должна была основываться американская внешняя политика. Ее активистскому варианту эти инструменты предлагаются как нечто само собой разумеющееся. Такая позиция

³ Цит. по: W. LaFeber (1989, 80).

становится проблематичной, как только международные организации формулируют собственный правовой и ценностный порядок, не соответствующий американским представлениям. Тогда американская позиция почти с неизбежностью превращается в свою противоположность.

Из морального принципа в этой ситуации вытекает императив необходимости защищаться от ограничения автономии, не обоснованного с моральной точки зрения. Это касается и такого института, как международное право. Американцы быстро проявляют готовность отказывать международному праву в качествах, ограничивающих американскую автономию. Кредо, гласящее «Америка должна быть и оставаться хозяином своей собственной судьбы», становится обязывающей заповедью, из которой выводится уход от мира или активные действия против международных организаций или международного права⁴.

Убедительно, ничего не скажешь. Правда, тезис о том, что внешнеполитическая ориентация США может быть без всяких «но» и «если», объясним миссионерской идеей, доминирующей в их политической культуре, и требует двойного ограничения. Идеалистической ориентации всегда противостоял реалистический вариант, также проявлявшийся и в активистской, и в обращенной внутрь форме (Schweigler 1994). И эта реалистическая ориентация тоже укоренена в мифах, связанных с основанием США, и в ее контексте страна рассматривается как выделяющаяся по сравнению с другими странами и превосходящая их. Она лишь решительнее, чем идеалистические ориентации, подчеркивает национальные

⁴ Ср., например: W. J. Bennett, *Morality, Character and American Foreign Policy* // R. Kagan and W. Kristol (eds.), *Present Danger. Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy*, San Francisco (Encounter Books), 2000. Именно потому, что американская внешняя политика должна руководствоваться моральными принципами, но в отношениях между государствами нет универсально приемлемых моральных стандартов, США, как утверждают эти авторы, могут ориентировать свое поведение не на международное право, а только на моральные представления, генерированные ими самими. В этой позиции находит свое обоснование отказ признать мандат ООН в качестве предпосылки для операций НАТО «не в соответствии со статьей 5» Североатлантического договора.

интересы. В своем варианте, обращенном вовне, она выдвигает на передний план безопасность Америки и американских граждан и совместима как с политикой балансирования, так и с экспансионистской политикой. Когда Наполеон вознамерился завоевать европейский континент, никто иной, как Джефферсон, констатировал: «Нашим интересам не может соответствовать превращение Европы в одну-единственную монархию». При этом речь не шла лишь об отпоре подозрительной в моральном отношении форме государственного устройства. США оказались бы под угрозой, если бы «вся власть в Европе сосредоточилась в руках одного человека». Вариант, обращенный внутрь, обнаруживает элементы консервирования власти и склонность к шовинистическим, ксенофобским и расистским проявлениям. Он дал о себе знать в середине XIX в. в деятельности «партии никого не знающих», позже в движении Ку-Клукс-Клана, пережившем кульминацию в 20-е гг. прошлого столетия.

Как изменялись с течением времени политические концепции, можно увидеть на примере понятия «явного предназначения» (*manifest destiny*), сформулированного Джоном О'Сэлливаном в 1840-е гг. В полном соответствии с идеалистической идеей миссии с этим понятием поначалу связывалось представление об избранности США. Утверждалось, что Америка определена самой судьбой для того, чтобы «доказать человечеству превосходство божественных принципов» (Kühnel 1996, 454.) Впоследствии, однако, смысловое содержание этой концепции изменилось, превратившись в инструмент легитимизации территориальной экспансии, сначала аннексии Техаса и экспансионистской войны против Мексики. Позже она была использована для выдвигания территориальных претензий к Англии и, наконец, приобрела социал-дарвинистскую окраску, служа оправданию начавшегося проведения политики американского империализма.

Следовательно, если сопоставить варианты идеалистической ориентации, направленные вовне и внутрь, с реалистичес-

кой ориентацией, возникнет схема классификации в форме таблицы с четырьмя полями.

Иллюстрация 1:
Основные политические ориентации

	Реализм	Идеализм	
национали- стические позиции	Крепость Америка	Великое общество	Америка прежде всего
	Военный корабль Америка	Global Society Глобальное общество	Америка – № 1

Источник: цит. по: G. Schweigler, „America First?“, *Die öffentliche Meinung und die amerikanische Außenpolitik* // M. Dembinski, P. Rudolf, J. Wilzewski (eds.), *Amerikanische Weltpolitik nach dem Ost-West-Konflikt*, Baden-Baden (Nomos), 1994, S. 32.

Обращенные внутрь страны реалисты видят центральную задачу государства в отгораживании американской территории от пагубных внешних влияний. Их политическая программа под названием *Fortress America* («Крепость Америка») состоит из сочетания политики, направленной на ограничение иммиграции, внутренней и социальной политики, имеющей целью сохранение унаследованных от прошлого отношений власти, а также обороны, сконцентрированной на защите собственной территории. Сегодняшние представители этого течения связывают требование о создании национальной ракетной обороны с требованием сокращения внешнеполитических обязательств, к примеру, в рамках НАТО⁵. Идеалисты, обращающие свои взоры внутрь страны, видят центральную задачу деятельности государства в улучшении общества. В противоположность реалистам, обращенным внутрь страны, они относятся к внешнему миру менее недоверчиво и делают

⁵ Типична позиция бывшего кандидата в президенты от Республиканской партии Патрика Дж. Бьюкенена: P.J. Buchanan, *A Republic, Not an Empire, Reclaiming America's Destiny*, Washington, D.C. (Regnery Publishing, Inc.), 1999. Отголоски обнаруживаются и в республиканском «Контракте с Америкой» 1994 г.

ставку на подражание других стран примеру США. В 90-е гг. эта ориентация обнаруживается, например, в работах Дэвида Каллео (1998). Такое представление о «Великом обществе» было характерно и для первой фазы работы администрации Клинтона.

Программа, вытекающая из активистской реалистической ориентации, может быть обобщена под названием *Battleship America* («Военный корабль Америка»). Приверженцев этой ориентации объединяет принципиально пессимистический взгляд на мир и угрозы, существующие в нем, для американской безопасности и американских ценностей. Правда, в соответствии с названной ориентацией, безопасность не может быть достигнута с помощью отгораживания от мира. Целью американской внешней политики при таком подходе должно быть, напротив, укрепление собственных силовых позиций в стратегически важных пунктах и недопущение возникновения потенциального конкурента, державы-лидера в стратегически важном регионе⁶. С такой точки зрения, военно-морской флот является предпочтительным средством обеспечения своих интересов. И, как считают некоторые наблюдатели, США уже возвращаются к своей традиционной роли морской державы, не знающей прочных союзов, а имеющей лишь твердые интересы, державы, которая хотела бы реагировать возможно более гибко⁷.

Напротив, идеалистическая, активистская ориентация делает ставку на универсальность американских ценностей и приписывает американской внешней политике роль фактора, способствующего формированию «глобального общества» в результате активной деятельности в защите прав человека, решении проблем развития, содействия расширению демокра-

⁶ Такую внешнеполитическую программу сформулировал в начале 90-х гг. Пол Вулфовиц, занимавший тогда должность заместителя министра обороны. Vgl. P.E. Tyler, *US Strategy Plan Calls for Insuring no Rivals Develop* // „New York Times”, 8 марта 1992, р. 1. В администрации Буша эту позицию разделяют вице-президент Чени и министр обороны Рамсфельд.

⁷ W.R. Smyser, *American might is sailing away from Europe* // „Financial Times”, 3 марта 2003.

тии, а для подкрепления своих позиций при необходимости и путем применения военных средств.

Между реалистической и идеалистической ориентациями возник дополнительный вариант, неоконсервативное течение, также прочно укорененное в культурно-политических традициях «американской исключительности» и специфическим образом сочетающее элементы обеих активистских внешнеполитических школ. Многие неоконсерваторы являются выходцами из либеральной среды, разделяя с ней веру в универсальность американских ценностей и ответственность США за содействие продвижению этих ценностей во всем мире. В 60-е и 70-е гг. в ходе дискуссий вокруг «Великого общества» и политики разрядки они, однако, приблизились к консервативным позициям. В отличие от либеральных интернационалистов, неоконсерваторы признают значение военной силы как средства борьбы против диктаторов за демократизацию и права человека. В отличие от реалистов, руководствующихся концепцией «Военного корабля Америка», они полагают, что американская мощь и американское лидерство – благо как для Америки, так и для остального мира⁸.

Во-вторых, формы проявления американской внешней политики зависят и от того, какие социальные группы и политические силы преобладают в определенный период в качестве представителей той или иной ориентации, охарактеризованной выше. С ростом экономического и демографического значения традиционно консервативных Юга и Среднего Запада усиливается влияние социальных групп, скорее соответ-

⁸ Эта позиция сформулирована, например, в «Проекте для нового американского века» (*Project for the New American Century*). Ср. Kagan and Kristol (2000). Типична позиция Уильяма Беннета (2000: 301), наркобарона времен президента Клинтона. Беннет выступает против упрека со стороны консервативных изоляционистов в том, что активность во всем мире подрывает основу *american political way of life* (американского политического образа жизни). «Американский интернационализм помогает упрочить наше национальное самоопределение. Вместо бесконечных распрей, свойственных новым изоляционистам, глобальное американское лидерство, основанное на американских принципах, укрепляет нашу приверженность благородным идеалам, имеющим многовековую историю, и напоминает нам о том, кто же мы есть на самом деле».

ствующих реалистической ориентации, как она отражена в таблице Швайглера из четырех полей. Эти перегруппировки особенно сильно затронули Республиканскую партию. Истеблишмент Восточного побережья, ранее определявший характер партии, с течением времени оказался оттесненным протестантскими фундаменталистами, силами, подчеркивающими важность национальных интересов США, и неоконсерваторами. Этим изменениям сопутствовала переориентация политики в направлении подчеркивания американского суверенитета и мощи, нашедшая свое выражение в малом уважении к международному праву и международным организациям, а отчасти даже в презрительном отношении к ним. В администрации Буша это крыло представлено Колином Пауэллом и Робертом Б. Зелликом. Напротив, тон задают *assertive nationalists*, традиционные националисты, подчеркивающие важность безопасности США во враждебном мире и представленные в администрации Диком Чени и Дональдом Рамсфелдом, а также неоконсервативные силы, группирующиеся вокруг Пола Вулфовица (Fidler/Baker 2003; Daalder/Lindsey 2003).

Европейская идентичность и ее внешнеполитические последствия

Идентичность Европы стала со временем объектом исследования, вызывающим все более пристальное внимание. При этом она, чем дальше, тем больше, связывается с географической формой и институциональной структурой ЕС. В соответствии с таким подходом европейская идентичность предстает воображаемой общностью, которая порождает силу, как скрепляющую внутреннее пространство ЕС, так и отграничивающую его вовне. Несмотря на многочисленные работы на эту тему, спорным остается вопрос о том, существует ли вообще европейская идентичность, важная для политического действия и пригодно ли это понятие в качестве аналитической концепции. В действительности концепция европейской идентичности лишь частично питается результатами эмпирических исследований – эмпирические исследования свидетельствуют о наличии разве только смутного, хотя отчасти и су-

щества, чувства единства европейцев (Immerfall/Sobisch 1997, 36) и также частично живет благодаря ожиданиям и умственным конструкциям, предполагающим существование стереотипа восприятия, интерпретации и ценностей, общего для европейцев в рамках ЕС и в то же время отличающего Европу от других регионов. Короче говоря, хотя ЕС по сравнению с другими региональными организациями очень сильно институционализирован и почти принял форму федеративного государства, применительно к нему концепции надгосударственных идейных общностей также сталкиваются с явно более сильной, чем ожидалось, выраженностью национальной идентичности, и выраженность эта противоречит представлениям о европейской коллективной идентичности и соответствующим стремлениям. Тем не менее, в рамках данной статьи следует попытаться противопоставить американской политической культуре в качестве направляющей внешнеполитической силы европейскую коллективную идентичность, чтобы увидеть, куда и насколько далеко ведет эта концепция.

В поисках европейской идентичности часто предпринимаются попытки пойти вглубь времен по следам историко-культурного, социально-экономического и политико-институционального прошлого (Voglrieder 2001). Все три пути ведут не особенно далеко. Историко-культурный подход, опираясь на концепцию национальной идентичности, ставит в центр внимания сознание общности прошлого. Его сторонники обращают внимание на общие, исторически сложившиеся и укоренившиеся стереотипы истолкования и ценностные ориентации, которые могли бы обосновать субъективное ощущение единства европейцев. Как правило, упоминаются общие духовно-исторические корни, находимые в античности, в христианской религии и Просвещении (Huber 2001). Но все это не может ввести в заблуждение насчет того, что Европа в историко-политическом отношении никогда не была единством, а с момента разделения империи Карла Великого на три части ее характеризовали противоречия, которые вплоть до XX в. раз-

решались военными средствами (Pfetsch 1998). Хельга Гребинг (1995, 111) также приходит к отрезвляющему итогу: «Единство, идентичность и идентификация были и все еще остаются представлением о будущем, тогда как вновь и вновь проявлялись политические, культурные, языковые и пространственные многообразие и множественность, чреватые напряженностью и накладывавшие свой отпечаток на реальность».

Представители одного из вариантов такого подхода, выдавая нужду за добродетель, выдвигают аргумент, в соответствии с которым общее осознание катастроф XX в. сформировало совместную идентичность, основу которой составляет убежденность в невозможности повторения прошлого. Согласно этой интерпретации, Европа отграничивается не от внешнего мира, а от его военного прошлого (Waever 1997). Этот вариант, несомненно, интересен, и я вернусь к нему. Вот только он и не убедителен, и не был эмпирически проверен, чтобы быть основой для коллективной идентичности и дать ориентир для совместных действий европейцев. Выведение отсюда тезиса о том, что Европа располагает общей гражданско-государственной идентичностью, представляется в высшей степени сомнительным. Следовало бы указать в особенности на то, что европейские державы по-разному осмыслили опыт катастрофы нацистского господства и второй мировой войны и извлекли из них разные уроки. Если немецкий урок гласит «Война – никогда больше!», воздействуя и по сей день на пацифистскую ориентацию Германии, то вывод, формирующий идентичность держав-победителей – «Мюнхен – никогда больше!» Поэтому военное сопротивление диктатору ради защиты прав человека оказывается, например, в Великобритании и Франции вполне пригодным в качестве средства легитимации применения военной силы. В этом отношении обе страны ближе к США, чем к Германии.

Социально-экономический подход представляет в особенности специалист по социальной истории Хартмут Кельбле (1987). Он исходит из того, что повседневный опыт и стили жизни, покоящиеся на конкретных данностях, могут стать

основой для формирования сознания общности. Основываясь на результатах сравнительных эмпирических исследований, он приходит к результату, согласно которому имеются доказуемые специфические социально-экономические признаки идентичности, отличающие Западную Европу от внеевропейских индустриально развитых стран. Правда, и здесь сохраняются сомнения. Следовало бы указать на растущие в ходе глобализации императивы адаптации именно в экономической сфере, под давлением которых, чем дальше, тем больше, исключительное положение Европы уходит в прошлое.

Напротив, политико-институциональный подход нацелен не на представляющиеся общности, а на реальные институты ЕС в качестве точки кристаллизации совместной идентичности. Как правило, при этом из текстов учредительных и основополагающих документов ЕС выделяются формулировки, которые отражают общие ценностные представления. Речи, манифесты и в особенности Маастрихтский договор, а также проект конституции проверяются с точки зрения их нормативных высказываний, чтобы на этой основе сконструировать совместную идентичность. Но и этот подход проблематичен. Во-первых, ЕС относительно молод. Во-вторых, такой подход оставляет без внимания то обстоятельство, насколько Европа была проектом, реализовавшимся *top-down*, т. е. сверху вниз, и сколь мало общая идентичность росла именно снизу. Открытым остается вопрос и о том, могут ли нормы, установленные политическими элитами, заменить слабо развитую коммуникацию между обществами в качестве момента, формирующего идентичность.

Если вообще можно говорить об идентичности Европы, она выражена очевидно слабо. И, вероятно, как ни парадоксально это звучит, она заключается скорее в согласии с существованием различий, нежели в сознании общности. В этой форме она уходит далеко вглубь европейской истории. Европа не разделяет исторический опыт, лежащий в основе «американской исключительности». У Европы другой опыт. Вероятно, на деле существует нечто вроде европейской катастрофы,

формирующей сознание, в форме того крушения единства религиозного и государственного устройства, которое произошло в ходе религиозных войн. Европа реагировала на эту катастрофу изобретением суверенитета и тем самым созданием признанного порядка в мире, фрагментированном с культурной и политической точки зрения. И, вероятно, понимание того, что правила и правовые установления могут пойти на пользу ради обеспечения мира во фрагментированном мире, как бы изломан ни был этот опыт, оказывало долгосрочное воздействие. Этот опыт стимулировал, возможно, именно европейский интеграционный проект, заключавшийся в принципе в том, чтобы преодолевать различия не сегрегацией или ассимиляцией другого, а с помощью придания им посредством соблюдения определенных правил практически осуществимой, продуктивной и способной обеспечивать мир формы. Выступление европейцев за многосторонность, за проект введения международных отношений в строгие правовые рамки и в пользу международных организаций было бы в этом случае попыткой перенести исторический опыт, формирующий облик Европы, получивший новое подтверждение с европейской интеграцией, на отношение с остальным миром.

Выводы для трансатлантического сотрудничества

Очевидно, США и Западная Европа или западноевропейские государства сформировали весьма различные политические культуры и коллективные идентичности. В США из представления об уникальности питается моральная горячность, способствующая формированию того внешнеполитического стиля, который делает акцент на суверенитете и способен привести к критическому или даже враждебному отношению к международным организациям и международному праву. При этом односторонний импульс оказывался тем сильнее, что с экономическими и демографическими изменениями в 90-е гг. усилились политические группировки, которые выступают за специфическую интерпретацию мо-

рального импульса, подчеркивающего специфическую американскую мощь и американские ценности. Напротив, Европу сформировал опыт, под влиянием которого напрашивается более прагматичное обращение с различиями. В сокровищницу общих европейских коренных убеждений входит представление о том, что взаимное признание и установление правил международных отношений имеют место в мире, фрагментированном в политическом отношении, более того, именно в нем.

Обращая внимание на эти различия, Вернер Вайденфельд уже в 1996 г. выдвинул тезис о культурном разрыве с Америкой – тогда, правда, еще с вопросительным знаком. Тем временем Харальд Мюллер пошел дальше на шаг, причем решающий, и нарисовал сценарий трансатлантического раскола. Все менее исключенной представляется перспектива ускорения процесса расхождения Европы и США ввиду различий в коллективной идентичности и политической культурах по эту и ту сторону Атлантики, взаимно превращая Европу и США в «других» по отношению к своему «Я». Следовало бы по меньшей мере считаться с возможностью того, что подход с позиции международных отношений все же продемонстрирует свою действенность и приспособится к глубинным структурам американского и европейского обществ. По меньшей мере можно указать на то, что с течением временем в Европе не стало социализма, а соккер в США стал массовым спортом, и футболистки даже входят в число мировых лидеров.

Литература

- Adler, E. and M.N. Barnett (2000), *A Framework for the Study of Security Communities* // E. Adler and M.N. Barnett (eds.), *Security Communities*, p. 29-65. Cambridge: Cambridge University Press .
- Almond, G.A. and S. Verba (1963), *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Princeton.
- Bennet, W. (2000), *Morality, Character and American Foreign Policy* // R. Kagan and W. Kristol (eds.), *Present Danger. Crisis and*

- Opportunity in American Foreign and Defense Policy*, San Francisco, Encounter Books, p. 289-307.
- Calleo, D.P. (1998), *A New Era of Overstretch? American Policy in Europe and Asia* // „World Policy Journal”, Vol. 15, No. 1, p. 11-25.
- Chafetz, G., Spirtas, M. and B. Frankel (1999), *Introduction: Tracing the Influence of Identity on Foreign Policy* // „Security Studies”, 8, 2/3, p. vii-xxii.
- Daalder, I.H. and J.M. Lindsay (2003), *America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy*, Washington: The Brookings Institution.
- Dembinski, M. (2003), *Ein Sturm im Wasserglas? Deutsche Außenpolitik im Zeichen transatlantischer und europäischer Verwerfungen*, Frankfurt: HSFK-Report Nr. 12/2003.
- Deutsch, K.W (1995), *Frieden und die Problematik politischer Gemeinschaftsbildung auf internationaler Ebene* // D. Senghaas (ed.), *Den Frieden denken*, Suhrkamp, S. 363-382.
- Dörner, A. (2003), *Politische Kulturforschung* // H. Münkler (ed.), *Politikwissenschaft. Ein Grundkurs*, Reinbeck, S. 587-617.
- Fidler, S. and G. Baker, *America's democratic imperils: How the neo-conservatives rose from humility to empire in two years* // „Financial Times”, 6 марта 2003, p. 11.
- Gebrügge, H. (1995), *Nationale und zivilisatorische Identität in Europa* // „Gewerkschaftliche Monatshefte”, 46, S. 110-120.
- Hampton, M. (1999), *NATO, Germany, and the United States: Creating Positive Identity in Trans-Atlantia* // „Security Studies”, No. 8.
- Huber, W. (2001), *Europa als Wertegemeinschaft. Seine christlichen Grundlagen gestern, heute, morgen* // H. Münkler, M. Llanque, C.K. Stepina (Hg.), *Der demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung, Politische Leitideen für das 21. Jahrhundert. Festschrift zum 80. Geburtstag von Iring Fetscher*, Akademie-Verlag, S. 57-70.
- Immerfall, S., A. Sobisch (1997), *Europäische Integration und europäische Identität. Die Europäische Union im Bewusstsein ihrer Bürger* // „Aus Politik und Zeitgeschichte”, B 10/97, S. 25-37.
- D. Junker (2003), *Power and Mission. Was Amerika antreibt*, Freiburg, Herder.

- Kaelble, H. (1987), *Auf dem Weg zu einer europäischen Gesellschaft. Eine Sozialgeschichte Westeuropas 1880-1980*, München.
- Kagan, R. (2003), *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World*, New York, Alfred A. Knopf.
- Kagan, R. and W. Kristol (2000), *Introduction: National Interest and Global Responsibility*, // R. Kagan and W. Kristol (eds.), *Present Danger. Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy*, San Francisco, Encounter Books, p. 3-24.
- Kissinger, H. A. (1994), *Die Vernunft der Nationen. Über das Wesen der Außenpolitik*, Berlin (Siedler).
- Krackau, K. (1967), *Missionsbewusstsein und Völkerrechtsdoktrin in den Vereinigten Staaten von Amerika*, Frankfurt (Alfred Metzner Verlag).
- LaFeber, W. (1989), *The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad since 1750*, New York (Norton).
- Lambsdorff, A. (2003), *Europa und Amerika – oder: Der Respekt vor der Andersartigkeit des Partners als Grundlage einer erfolgreichen Beziehung* // „Liberal“, Nr. 3, S. 14-29.
- Lipset, S. (1996), *American Exceptionalism – A double edged Sword*, New York: Norton.
- Markovits, A.S. (1987), *Why is there no Soccer in the United States, Variationen zu Werner Sombarts großer Frage* // „Leviathan“, Jg. 15 Nr. 4, S. 486-525.
- Pfetsch, F.R. (1998), *Die Problematik der europäischen Identität* // „Aus Politik und Zeitgeschichte“, B25-26/1998, S. 3-9.
- Schweigler, G. (1994), *„America First“? Die öffentliche Meinung und die amerikanische Außenpolitik* // M. Dembinski, P. Rudolf, J. Wilzewski (Hg.), *Amerikanische Weltpolitik nach dem Ost-West-Konflikt*, Baden-Baden (Nomos), S. 23-67.
- Tocqueville, A. de (1976), *Über die Demokratie in Amerika. Zwei Bände*, München.
- Vogelrieder, S. (2001), *Europäische Identität und Europäische Union: Das Selbst- und Europaverständnis der EU im Kontext der Vertiefungs-/Erweiterungsdebatte* // W. Loth (Hg.), *Das europäische Projekt zu Beginn des 21. Jahrhunderts*, Opladen, Leske&Budrich, S. 175-202.

Wagner, P. (1998), *Fest-Stellungen. Beobachtungen zur wissenschaftlichen Diskussion über Identität* // A. Assmann, H. Friese (Hg.), *Identitäten. Erinnerung, Geschichte*, Frankfurt, S. 44-72.

Waever, O. (1997), *Integration as security. European international identity and American domestic discipline*, Kopenhagen, COPRI.

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)